

Анатолий Николин избрал для этого скорбного цикла стихотворений интонацию вневременную. Боль, которую переживает автор, оправдывает этот приём, но и свидетельствует о глубоких слоях поэтической культуры, которые так органичны для его художнического мировоззрения. Николин находит точное слово, побуждающее читателя к сопереживанию.

Д. Ч.

ПИСЬМА В ЭЛИЗИУМ

«Напишите ей письмо», - промолвил Ангел, расправляя крылья, чтобы взлететь.

«Письмо? Туда?! Разве это возможно?»

«Разумеется», - скучно сказал Ангел, передёрнув плечами, так что оперенье за его спиной дрогнуло и зашевелилось.

«Как глупы эти люди!..» – подумал он, с голубиным трепетом крыльев, взлетая...

Фрагмент сна

I

* * *

Как в роще слышен каждый звук,
Так в тишине полночной
Внезапно выпорхнут из рук
Стихи четою непорочной.

В них голос твой не слышен мне,
Но я-то знаю, в самом деле,
По чьей не воле, но вине
Они проснулись и запели.

Не ты ль в Элизии хранишь
Мой дар и скорбь на пепелище?

И чем печальнее молчишь,
Тем голос мой звучней и чище.

* * *

Как долго жить мне, я не знаю.
Но вот – гляди – с недавних пор
Что потерял, то обретаю –
Тоску с названием «Амог».

Чем дольше нет тебя, тем слаще
Мне обнимать тебя во сне,
Дарить цветы... Смеяться, аще¹
Ты снова улыбнешься мне.

* * *

В садах с названьем горьким «hortis»
Я не найду Любви, хоть плачь!
И по пятам несётся вскачь
Свирепый конь по кличке «Mortis».

И что теперь – трястись несмело
В Элизий на его спине,
Иль подождать, как ты велела,
И ты сама придёшь ко мне?

* * *

О чем твердит мне голос вещей? –
Того, что было, не вернуть.
Сады, строенья, лица, вещи –
Исчезнет всё. Когда-нибудь.

Одна лишь тень твоя и возглас
Какой-то странный, неземной,
Да сыроватый этот воздух
Мне говорят, что ты – со мной.

¹ Аще — если (*старосл.*).

И ничего не изменилось,
И что всё так же буду я
Твердить, что мне опять приснилась
Не ты, но только тень твоя.

* * *

Старый дом без тебя опустел.
Опустела, остыла душа.
Только вот, на дворе чистотел
Вдруг зацвёл у ворот гаража.

И ни выехать мне не даёт,
Ни проститься: «куда вам спешить?!»
Будто вместе с хозяином ждёт
Ту, что выйдет его проводить.

* * *

Эти пылинки на листьях растений,
Это глухое молчание дна...
Всюду какие-то робкие тени,
Словно в предчувствии вечного сна.

Тихо и сонно... И жалобно, тонко
Скрипнут обои над креслом твоим.
Плед, позабытая в кресле гребёнка...
Вздых сокрушения: «помним, скорбим».

* * *

Ушла ты осенью, а скоро будет лето,
И зацветёт черемуха в саду.
Гурьбой повалят из лица дети
И закричат, как грешники в аду.

Соседки выйдут посидеть у груши
И посудачить о своём, родном.
И полдень станет и светлей, и суше,
А лето - бесконечней с каждым днём.

Оно взлелеет каждую букашку,
Но без тебя так скуден этот мир!
Как золото, превращённое в бумажку,
Иль без короны всемогущий Лир.

II

* * *

Я вижу фото: ты цвела
В неполных восемнадцать лет,
И нежность на меня текла
Из глаз твоих, которых – нет.

И слезы льются из моих
Очей, как бы в ответ тебе
За то, что помыслов иных
Я не желал себе, –

Как только видеть каждый час
Твоё лицо и взмах руки...
Судьба соединила нас,
Как две печальные строки.

И без второй меня уж нет,
И не было. И никогда
Не повторятся полдень, свет.
И ты, и я... И мы. Да-да...

* * *

Пергамент прошлого не под моей рукой
Внезапно оживёт, и дней моих излишек
Не я, владелец их, а кто-нибудь другой
Бесстрастно соберёт, оценит и опишет.

И образ твой, совсем, совсем иной,
Он воскресит, освободив из плена:
Такой счастливый, радостный, живой, –
Прекрасный, как троянская Елена.

* * *

Покрытые саваном-снегом тяжелые, крепкие доски.
Усыпаны саваном-снегом холмы и кладбищенский мусор.
Последние речи... Последние слезы – не слезы, а слезки, -
И ветер гудит над твоею Голгофой, как в дни Иисуса.

Печалью налито мое омертвевшее сердце.
Оно не живёт, только дышит и горестно бьётся
В надежде, снедавшей когда-то печального Герцля,
Что есть тот Сион, где нам место с тобою найдётся.

Я всех отпустил. Ни священника нет, ни раввина
На мертвом погосте, где ляжет твоё драгоценное тело.
И только равнина, великая наша равнина,
Обнимет тебя и, как мать, поцелует несмело.

* * *

Нет, не могу поверить до сих пор,
Что нет тебя, и ты со мною
Не заведешь поутру разговор,
Что, слава Богу, стороною
Едва наметившийся дождь
Прошёл, и снова будет жарко;
Что ты звонка подруги ждёшь
И ждешь от дочери подарка...
И так привычно и легко
Тянулась жизнь потоком вечным,
Что смерть казалась далеко,
А наше счастье – бесконечным.

* * *

Время прошло, а я вновь заливаюсь слезами,
Как-будто войдёшь ты и скажешь: «Не хочешь прилечь?»
Тебя поминаю я эхом, молчаньем, глазами,
Но как мне в молитву молчанье ночное облечь?

У нас ураганы бушуют и воют ночами –
Уходит зима, как и множество вёсен и зим.

А что у тебя? Не полна ли ты вечной печали,
Как полон и я неоплаканным горем моим.

* * *

Когда-то здесь кипела жизнь:
В прихожей голоса звучали,
Они твердили мне: «Держись!»
За что держаться – не сказали.

И я держусь, что было сил,
За сумерки в отцовском доме,
Где каждый уголок мне мил,
Как фото в позабытом томе.

И в этой жуткой тишине
Былая жизнь опять проснулась,
И стало представляться мне,
Что ты пришла, что ты вернулась.